Палпатин сидел на высоком стуле с изогнутой спинкой на командирской палубе Патриота, специально приспособленном по его приказу, чтобы приспособить его к этому путешествию, не обращая внимания на напряженный почтительный поклон медика Халлина, который быстро шел от мостика, гудя. с нервами.

И пусть он будет; он явно знал о Джейд и Скайуокере - он буквально срывался каждый раз, когда они были вместе перед пристальным вниманием Палпатина, - но он решил не рассказывать Палпатину об их свиданиях. Палпатин очень тщательно выбрал медика, когда он впервые завладел своим джедаем, ища человека, которому мальчик мог бы разумно доверять - человека того же возраста и мышления, с которым он, возможно, мог бы даже подружиться. здесь нет четкого представления о мировоззрении своего нового джедая - если Джейд не подходила для его удержания, то, возможно, Холлин был бы более подходящим. Как бы то ни было, ему нужно было что-то, чтобы контролировать мальчика, что-то, что можно было бы легко отнять.

Нечто, что не выдержало бы допроса, если бы дошло до того, что Палпатину нужны факты. Его джедаи теперь, конечно, знали все это - знали, что медик жил в ненадежное время, что то, что защищало и осуждало его, было постоянным общением со Скайуокером. Несмотря на все его растущие силы, его джедай позволял себе слишком много слабостей - и он знал это.

Стоя перед мостом, так далеко от Палпатина, как он мог быть разумно, и хорошо зная, что его Учитель смотрит на него, его джедай теперь был с адмиралом Джоссом и тремя офицерами, тихо совещаясь, Мара стояла, чтобы потерять внимание в тактичной расстояние. Все они были обеспокоены тем фактом, что «Патриот» совершал световой прыжок только с координатами, без названия планеты или навигационного инвентаря. Не то чтобы Палпатина заботило; его военные сделают то, что им приказано, и причиной этого путешествия было то, что он намеренно скрывал от своих джедаев. Он хотел искренней реакции по прибытии; некогда прятать истинные мнения за щитами - Скайуокер становился слишком искусным в этом. И он все еще носил кольцо; Палпатин не преминул это заметить.

Хотя несколько дней дали ему возможность увидеть факт, какой он был; незначительное несогласие. Не настолько незначительно, что он не двинулся с места, чтобы помешать мальчику поговорить с отцом после инцидента, продвигая эту поездку, чтобы держать их подальше друг от друга, пока Палпатин не закончит сеять свои маленькие семена сомнения в уме мальчика. Самая легкая улыбка скривила уголок его губы, оценивая иронию; здесь он был, настороженный и наблюдавший за ассоциациями между мальчиком и его отцом, хотя на самом деле это была его мать, ошибка девушки, которая пыталась повернуть голову Анакину, которая доказала проблему.

Тем не менее, тогда она потерпела неудачу и потерпит неудачу сейчас; она не станет вбивать клин между Палпатином и мальчиком. Он подумал, что ему следует поблагодарить ее; в конце концов, она предоставила ему не только человека, который помог ему создать его Империю, но и строительный блок, чтобы обеспечить ее процветание для будущих поколений. У него были большие планы относительно Да, его снова трудно было бы сдерживать - подавлять и подчинять силой ... но тогда, возможно, это ему больше не нужно;

Действия мальчика на старте «Патриота» удивили Палпатина своей решительностью и целеустремленностью. Вот почему он сейчас здесь; он был готов к следующему шагу. Его волк, наконец, пошел к пятам… даже если он все еще время от времени рычал. Он сузил глаза с желтыми крапинками, размышляя о последнем посещении камеры его диким джедаем, сожалея о том, что это будет именно так. Как бы ни старался его волк идти по пятам, он не потерпит дальнейшего заключения; это было кристально ясно. Он отчетливо помнил, как стоял

в темной комнате оперативного отдела напротив специальной камеры для задержанных в глубине монолита Дворца, внимательно следил за изображением в соседней камере, ожидая, пока Скайуокер очнется от наркотиков, очень хорошо понимая, что это будет тест завещания; хотя специальная камера содержания под стражей была сильно расширена, чтобы учесть его растущие способности, теперь она была на пределе возможностей. Скайуокер знал свои способности и свой разум, как никогда раньше.

Теперь было кислотное испытание. Причина, по которой он здесь - то, что он слишком часто ослушался своего Учителя и зашел слишком далеко - пока не приходила в голову Скайуокеру; только его возмущение тем, что его заперли. И всегда суровое наказание за такое деструктивное поведение также заставляло ждать, часто дни, пока Скайуокер оставался в заключении, чтобы обдумать свои действия - и дождаться их неизбежных последствий. Потому что, когда наказание наконец отмерялось - часто в течение нескольких дней - оно не было безграничным и безжалостным… как он часто говорил мальчику; урок, который преподается безжалостно и беспощадно, редко нужно преподавать дважды.

Палпатин наблюдал, как он теперь медленно приближался, борясь с действием лекарств, которые в какой-то степени оставались в его организме, пока не было введено противоядие, чтобы противодействовать их самовоспроизводящимся свойствам - еще одно средство контроля над его новым ситхским защитником. Тем не менее, Скайуокеру не потребовалось много времени, чтобы понять, где он находится, и в ответ неуверенно подняться. Он взглянул на дверь, но даже не попытался добраться до нее. Вместо этого он крикнул, затем повернулся прямо к одному из узлов безопасности; если бы это была линза, Палпатин был уверен, что мальчик разбил бы ее, но это был просто один из ряда расположенных в шахматном порядке узлов реле датчиков, разбросанных по внутренней части толстых стенок ячеек, которые вместе создавали единое голографическое изображение в комнате Операции , так что не было конкретного места, куда можно было бы направить свое разочарование. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти его.

Он повернулся, пошатываясь от головокружения, снова закричал. Когда никто не подошел, он присел на корточки, склонив голову, закрыв глаза ... Палпатин почувствовал энергетический рой, когда мальчик призвал к нему Силу, всеобъемлющий прилив грубой силы, подпитываемый страхом, разочарованием и гневом, и растянул бескровные губы Императора ситхов в напряженной выжидательной улыбке. В течение долгих секунд мальчик продолжал втягивать энергию, опустив голову, полностью погрузившись в действие, пока она не закружилась вокруг него, как твистер, ищущий землю ...

Затем его руки упали на пол в кулаки, когда он сосредоточил силу, выбросив ее вокруг себя, невероятная, безупречно сфокусированная энергия стихий ... Удар ощущался в оперативном отделении как глухой удар, срабатывание нескольких сигналов тревоги, запуск чисел и оценок на ближайшем экране состояния. Палпатин вздрогнул от мощного направленного Силой удара, не отрывая глаз от голографии. В камере пол под Скайуокером был идеально изрезан, две ближайшие стены сжимались в виде перевернутого купола, потолок трещал, как и он. Вместе они описали изгиб идеальной невидимой сферы вокруг него, когда он присел в ее центре и огляделся.

«Общая целостность конструкции уменьшилась на шестнадцать процентов, ваше превосходительство».

Нервничавший охранник наблюдал, как цифры прокручиваются вверх. Его рука зависла над рядом отмеченных клавиш, ожидая команды, но Император только улыбнулся.

«Нет, дай ему это». - радостно сказал Палпатин, сомневаясь, что у мальчика хватит сил снова попробовать тот же трюк, особенно в его нынешнем состоянии.

С некоторыми уточнениями камера была построена почти так же, как та, которую лорд Вейдер впервые использовал, чтобы контролировать своего своенравного сына, когда он поймал его на Беспине. Это была сложная структура, одна комната внутри другой, внешняя комната с литыми и обвязанными кабелями стенами толщиной в фут в вакууме, внутренняя комната представляет собой серию взаимосвязанных тяжелых армированных панелей, зависящих от вакуума, который вытягивает их наружу для сохранения целостности.

Разработанные, чтобы выдерживать многократное воздействие вакуума, перекрывающаяся, блокирующая структура стен была практически неразрушимой; если чувствительный к Силе пытался разрушить ячейку внешним давлением, они только увеличивали прочность стенки, а если он втягивал их внутрь и стенки начинали терять целостность, давление вакуума автоматически увеличивалось, чтобы усилить их. В неслыханном случае структурного разрушения стенок внутренних ячеек в результате выравнивания вакуума любой человек в комнате потеряет сознание. Это было гениальное, практическое решение проблемы удержания джедая, которое с большим успехом использовалось после Войн клонов, и ни разу не провалилось ...

Скайуокер опустил голову, и на этот раз волна силы была острой, как нож, вбивалась в массивном, обширном масштабе, натягивалась, как тетива, невероятная мощность сходилась в одном месте, грубая сила удерживалась в подвешенном состоянии, ожидая сосредоточения ... Палпатин замер, затаив дыхание ...

Выброс был подобен взорвавшейся бомбе, ударная волна достаточной мощности, чтобы грохотать укрепленную дверь камеры и сотрясать барабанные перепонки охранников, выстилающих коридор, заставляя их нервно вздрагивать, поднимая бластеры, глаза в камеру как предупреждающий свет наверху дверь мелькнула. «Целостность только что снизилась еще на двадцать девять процентов. Множественные трещины на внутренней стенке; три структурных трещины во внешнем узле. Для компенсации система нагнетает вакуум». Мужчина был явно потрясен этим, повернувшись к Императору.

Палпатин оставался неподвижным, склонив голову набок, где он держался от вспышки, глядя на голограмму камеры, когда пыль, рассыпавшаяся с потолка, рассеялась, а узлы изображения восстановились после статической вспышки шока. Стены были теперь глубоко врезаны кратерами, которые все еще сохраняли идеальную сферу вокруг Скайуокера, длинные трещины растрескивали их поверхность, части корпуса оторвались, чтобы показать более тяжелую переплетенную структуру из стали под ним. Он поднял голову, чтобы осмотреть повреждения, и Палпатин слегка наклонился, сузив глаза.

Изменение давления вспышки в замкнутом пространстве на этот раз было достаточно большим, чтобы повлиять на Скайуокера, хотя он, должно быть, прикрылся. Но его нос был окровавлен, вспышка алого красного брызнула на простую белую безликую одежду, в которой он всегда был одет во время своего заключения. Если он осознавал этот факт, то проигнорировал это, оглядываясь вокруг лишь на мгновение, прежде чем снова склонить голову в сосредоточении, масштаб его влияния снова нарастал, нарастая, как статика, скрежетая, как гвозди по доске, как лезвия о сталь. , все еще питаемый той же железной решимостью и неизмеримой силой - «Если он увеличивает удар по той же степени Превосходительству, как внешние и внутренние стены будут страдать разрушение конструкции ...»

ППО охранник повернулся напряжённо, рука по- прежнему парит над той же три тумблеры, зная , что он может сделать летучую заключенного без сознания в секундах активируя их. Палпатин долго размышлял, разрываясь между завороженным желанием увидеть, на что мальчик способен, если его доведут до предела, и своим намерением сохранить неразрушимость клетки для разума его джедая ...

«Подождите, - сказал он наконец спокойно, - я поговорю с ним».

Мужчина кивнул, подавляя желание сказать Императору поторопиться. Люк снова сгорбился, склонил голову и сфокусировался... Дверь открылась с легким шипением уравновешивающего воздуха, снова поднимая пыль на фоне яркого света коридора, за которым Люк прищурился, когда повернулся.

«Прекрати». Голос Палпатина был безразличным и снисходительным, когда он вошел в комнату, дверь закрылась за ним с герметичным шипением. Он прошел мимо, не останавливаясь и не глядя на Люка: «Ты ничего не повредишь, кроме себя».

Люк взбесился, но от этого действия у него закружилась голова, и он отступил на шаг, выкрикивая свое разочарование. Палпатин остановился на этом, наконец повернувшись к нему лицом, сернисто-желтые глаза пристально смотрели из темных теней тяжелого малинового капюшона, который он носил, неодобрительно и требуя укрепить их. Но мальчик не сдавался.

«Ты не можешь удерживать меня здесь! Больше нет!»

Палпатин ничего не сказал, просто стоял спиной к разрушенной стене и снисходительно наблюдал, как отец смотрит на истерику ребенка.

«Это не удержит меня! Это не удержит меня, и вы это знаете!»

Скайуокер отступил еще на шаг, яд в его голосе подпитывался сдержанным отвращением Палпатина.

"Вы правы."

Мастер ситхов допустил: «Но мы оба знаем, что эта клетка - больше, чем стены и решетки».

Люк замолчал, его мысли прервались, хотя Палпатин знал по его диким глазам и напряженной позе, что он еще не контролировал своего Волка. «Это гораздо более прочная клетка, и вы строите ее вокруг себя». Император покачал головой, указывая на запечатанную дверь: «Вот дверь, откройте ее».

Скайуокер повернулся, все еще неустойчиво держась на ногах, но не менее решительно. Он поднял руку ...

«Но знай, что если ты это сделаешь, это будет стоить жизней всем, кого ты знаешь здесь - всем . Прямо сейчас. Приказ уже на месте; мне нужно только активировать его одним словом».

Мальчик слегка дрогнул под угрозой, зная, что она реальна - и хотя он стоял спиной к Императору, Палпатин ухмыльнулся, зная, что он есть, теперь его голос был насмешливым.

«Видишь? Цена уже завышена».

Он покачал головой, презрительно и насмешливо: «Ты презренно слаб. Жалко легко

манипулировать».

«У вас не так много контроля, как вы думаете». Когда мальчик повернулся, в его голосе загорелся огонь, глаза и чувства кипели едва сдерживаемой яростью, и Палпатин знал, что это правда. Это будет нелегкая победа, как раньше; было меньше цепей самоограничения, которые сдерживали его Волка, и едва хватило контроля, чтобы связать его, но их было достаточно, если он справился с этим с осторожностью. "Тогда иди за дверь"

"И тогда какой Мастер ?" мальчик сказал: «Что ты оставил, чтобы повесить мне голову, если бы они были мертвы?»

«У меня есть другие средства». Ситх заверил: «Я бы не отказался так легко от своего Волка».

Мальчик молчал, его грудь все еще вздымалась от напряжения, его чувства были чрезвычайно нестабильными. Палпатин стоял неподвижно. «Ты думаешь, что можешь сбежать, что можешь убежать. Ты думаешь, что можешь спрятаться от меня ? Не будь наивным. Галактика уже недостаточно велика. Ты никогда больше не будешь вне моей досягаемости, потому что я точно знаю , что ты готовы платить за вашу свободу, и я знаю, какую цену вы сочтете слишком высокой. Это ваша слабость; вас, как и всех остальных, можно купить - не деньгами или властью, а жизнями других. Существа, которых вы даже не знаете. знаю.

Вот насколько ты слаб ». Палпатин подошел ближе. «У меня нет такой слабости. Я буду выслеживать вас шаг за шагом, и я оставлю смерть и разрушение на своем пути, потому что я знаю, что вы отреагируете - что вы не можете не делать иначе. Каждое существо, которое вы коснулись, поговорили, разобрались. Каждая планета, каждая система - все. В какой момент число погибших станет слишком высоким? В какой момент ваша решимость сломается? Но это была не та легкая победа, которая когда-то была; он кружился, понимая торжество императоров и разгневанный им "

"А если бы я был мертв?"

Император сузил холодные желтые глаза, его взгляд стал жестче при словах джедая. Это был подлинный ультиматум, угроза неявная, и ее нужно было решительно искоренить.

"Это ни в малейшей степени не остановит мою руку, джедай; я все равно отомщу. "Я бы взял его из шкуры каждого существа, которого вы когда-либо знали. Я бы сделал своей миссией видеть, как они кричат так жалко, чтобы вы услышали их из бездны ада и знали, что это вы навлекли на них это - ваши действия, которые их осудили; вы , обратившие мой гнев на них. И их родственников, и их виды, и их планету. Моя месть охватит системы ... пройдет много времени, прежде чем мой гнев будет удовлетворен, я обещаю вам это ".

Мальчик хранил молчание перед страстью этой безжалостной, проникновенной тирады, стиснув челюсти, глаза наполнились бессильной яростью из-за безоговорочной угрозы, которую он обрушил на всех, кого когда-либо знал. У него мало что осталось от его старой жизни - Палпатин давно разорвал ее на куски, пытаясь контролировать его - но то, что осталось, было для него драгоценно, даже когда память и реальность были разделены галактиками. И Палпатин знал это.

«Ты слаб». Ситхи снова обвинили его, когда Скайуокер отвел взгляд, изо всех сил пытаясь удержать внимание под натиском наркотиков теперь, когда его адреналин снижался.

«Я уже говорил вам раньше, что если у вас есть слабость, то окружающие всегда будут использовать ее против вас».

Скайуокер ничего не сказал, молчал, глаза горели негодованием, когда он снова посмотрел на своего мучителя.

"Скажи это."

Палпатин банально пригласил его, с легкой сардонической улыбкой на его бескровных губах, зная, что мальчик заговорит. Это взаимодействие, независимо от обстоятельств, было установлено в первый день, когда Вейдер привел его сюда - задолго до того, как его джедай впервые был заключен в эту камеру.

«Сострадание - это не...»

«Сострадание - самая жалкая уязвимость, это всегда была слабость джедаев».

Слова Палпатина врезались в него с отвращением: «Спроси любого из них, но, конечно, ты не можешь».

Чувство Скайуокера слегка пошатнулось, и Палпатину этого было достаточно, чтобы наброситься на него, зная, что он победил.

«Считаете ли вы, что именно сострадание дало вам силу противостоять отцу? Считаете ли вы, что именно сострадание дало вам силу унизить его? Как вы думаете, те, кого вы смиряете, чтобы защитить, проявили бы такое же сострадание для вас - они когда-нибудь? Они использовали вас, и ваша вина, потому что вы позволили использовать себя - чтобы манипулировать вами. Здесь нет места для таких ужасных, вопиющих недостатков. Когда вы излечите себя от этого, каждая дверь будет открыт для вас, но до тех пор кто-то всегда будет контролировать вас - вы всегда будете в тюрьме, созданной вами ».

Пока он говорил, голос Палпатина успокаивался, так что к концу его тирады им двигало скорее разочарование, чем гнев. Он подошел к мальчику, его глаза с желтыми точками искали бледно-голубые;

«Вы хотите, чтобы вас контролировали всю жизнь? Вы хотите быть не более чем своим отцом?»

Подбородок Скайуокера приподнялся, хотя он ничего не сказал, поэтому Палпатин произнес свое последнее предостережение.

«У настоящего ситха нет слабостей. Излечите себя от этой неудачи, или я сделаю это за вас - самым убедительным из возможных способов».

Он задержал взгляд мальчика на несколько мгновений дольше, угроза исчезла, затем повернулся и пошел к выходу из камеры, тяжелые двери с шипением открылись, когда он подошел к ним, охранники выстроились в коридоре за ними, обученные оружием.

«Я вернусь завтра, и мы поговорим дальше».

Он ушел до того, как мальчик успел отреагировать на осознание того, что он должен оставаться взаперти. Внутренняя дверь закрылась за ним, внешняя закрылась с шипением герметичного уплотнения. Сила, которая обрушилась на него секундой позже, была значительной, но лишь малой частью того, на что был способен его джедай; немного больше, чем взрыв разочарования от понимания его постоянно сокращающихся вариантов.

Халлин вздохнул с облегчением, когда он пробирался мимо инсценированных

противовзрывных дверей рядом с мостом Разрушителя, рад быть свободным от пристального внимания Императора, хотя совершенно очевидно, что факт заключался в том, что он не мог быть дальше от мыслей Императора. . Тем не менее, он снова задавался вопросом, как Люк мог выдержать пристальное и критическое внимание Императора день за днем.

Почему он вообще остался. Но затем Палпатин был мастером манипуляций, играя сложные неправды и злонамеренные ложные указания и завуалированные предположения с тонкой легкостью и разрушительным эффектом, некоторый проблеск которых был предоставлен Холлину в дискуссии с Люком ранее в том же году. Он последовал за очередным интернированием в камере под Дворцом - его самым последним, хотя это было теперь пять месяцев назад.

Когда они произошли впервые, а у Люка не было никого, кому он особенно доверял бы здесь, никто не знал, где именно пропадал Люк, часто на несколько дней или недель, всегда следуя некоторому антагонизму или вызову Императора. со стороны Люка, будь то частное или публичное. Официальная линия - и быстро узнали, что никогда чтобы подвергнуть сомнению официальную линию здесь - это то, что Люк был нанят Императором для выполнения секретного задания и вернется, когда оно будет завершено.

Однако постепенно, даже не обращаясь к фактам напрямую, Холлин осознал правду, хотя прошли годы, прежде чем он осмелился спросить других в ближайшей свите Люка, знают ли они. Джейд знала - всегда знала; был каким-то образом замешан, подозревал Халлин, хотя ни она, ни Люк никогда не упоминали об этом. Все, что Холлин знал наверняка, это то, что, вернувшись, Люк оставался тихим, замкнутым и замкнутым в течение нескольких дней, как из-за истощения и травм, так и из-за того, что он снова столкнулся с Палпатином.

Но обременительные испытания, которые когда-то были обычным явлением, со временем уменьшились, если не по содержанию, то по количеству, поскольку Император нашел новые способы контролировать или наказывать. Этот последний раз ничем не отличался: Люк снова появился через четыре дня, побитый и измученный, медленно и мучительно шел от главного входа, где Клем объявил о своем неожиданном прибытии, в свои личные покои, прижав руку к стене, приказывая всем, кто пришел вперед резким, запыхавшимся голосом.

Холлин давно научился не ходить; позволить Люку самостоятельно вернуться, независимо от его состояния, зная, что для Люка принципиальным было то, что он прошел даже этот последний отрезок в одиночку. Когда его впервые вернули в камеру под замороженным дворцом, Палпатин установил, что при освобождении Люка в бессознательном состоянии всегда доставляли в апартаменты Императора, и это была первая медицинская помощь, которую он всегда получал от медиков Палпатина. Установленным маршрутом стало то, что до тех пор, пока Люк не смог встать и пройти большое расстояние от покоев Императора до своих собственных, ему не разрешалось уйти. Если он попытался сделать это слишком рано и потерпел неудачу, Люк возвращался в апартаменты Палпатина измученным, и его выздоровление затягивалось из-за его усилий.

Натан подозревал, что еще одно небольшое испытание было проведено не из-за того, что развлекал Палпатин. Еще одна маленькая бессловесная битва между ним и его джедаем. Итак, сегодня вечером, как он всегда делал, Натан заставил себя ждать в личных покоях Люка, выжидая своего часа и ставя тот маленький медицинский диагноз, который мог, находясь в шести шагах от него, и прикусывая язык, чтобы не утешиться. Было уже далеко за полночь, и Люк рухнул на свою кровать, все еще одетый, Натан оставил его таким, каким был, зная, что лучше не пытаться помочь ему раздеться, вместо этого он сел на шезлонг в дальнем конце огромной комнаты.

Только однажды Люк взглянул на Натана, осмеливаясь его прокомментировать, но Натан скромно пожал плечами: «Мы оба знаем эту игру», и Люк позволил своим глазам закрыться, поддавшись изнеможению, как Натан. оставался спокойно бдительным всю ночь. Натан оставался рядом в течение следующих нескольких дней, хотя Люк редко терпел какое-либо внимание, медицинское или иное. Вместо этого он оставался молчаливым и замкнутым, явно проигрывая одни и те же мысли снова и снова в своей голове, и все, что Натан мог сделать, это дождаться объяснения, которое Люку потребовалось еще почти два дня, чтобы выразить словами, да и то только в самые расплывчатые термины для начала.

Он отчетливо помнил, как сидел в терпеливой, внимательной тишине, наблюдая за теплым оранжевым сиянием, когда солнце медленно опускалось до темной меди. Вспомнил, как задавался вопросом, придется ли ему ждать еще один долгий день в тишине, пока Люк не изложит свои мысли в достаточной степени, чтобы озвучить их, когда Люк взглянул на Натана и, как если бы это было продолжением давней дискуссии, спросил: «Вы верите, что можно спонтанно создавать жизнь?» Натан моргнул, на мгновение озадаченный вопросом, который, очевидно, уже несколько дней бесконечно крутился в мыслях Люка.

"Я полагаю...."

Натан задумался, собирая мысли вместе, зная, что на него смотрят выжидающие глаза.

«Я полагаю, что с научной точки зрения я должен - в какой-то момент жизнь была создана из случайного взаимодействия определенных молекул, которые поддерживали целостность. Возник одноклеточный организм. Каждая форма жизни является еще одним выражением этого случайного взаимодействия; биологическое создание новый вид, движущая сила эволюции природы.

«Человеческая жизнь? Нет, я так не верю. Если бы это было так, были бы задокументированные случаи».

«Но вы сами сказали, что природа стремится развиваться - расширять границы возможностей. И даже человеческая жизнь начинается с деления одной клетки».

«Но должен быть внешний катализатор, который стимулирует это деление клеток. Это не может происходить изолированно».

«Есть виды, которые могут зачать ребенка спонтанно».

«Но они не люди. Их физиология очень отличается; буквально тысячелетия уходят на то, чтобы эта способность развивалась. Человеческая физиология требует внешнего влияния».

Люк не комфортно передвигался от болей и болей, его синяки все еще темнели от ярко-алого до темно-фиолетового.

«Что, если бы этим внешним влиянием была Сила?»

Натан склонил голову набок, готовый продолжить дискуссию, потому что это явно было связано с молитвой в уме Люка, хотя он чувствовал, что наметил неизвестную территорию: «Теперь вы просите меня прокомментировать за пределами моей области знаний. Предположим, мой ответ должен быть, вы мне скажете? "

Люк отвернулся, задумчиво наморщив лоб, пытаясь довести аргумент до его естественного заключения;

«Мы говорим о делении одной клетки ... Сила может действовать на молекулярном уровне внутри тела - так мы лечим себя».

«Итак, вы говорите, что у джедаев есть потенциал для создания жизни в своей собственной системе?»

«Но мы можем использовать способность исцелять и других. Сила, на самом базовом уровне, представляет собой молекулярную сущность. Я не принимаю сознательного решения работать на молекулярном уровне, и я не знаю, что делать. так что, но если я смогу проникнуть в другое тело и управлять организмами внутри на этом уровне, чтобы уничтожить инфекцию или распространить лекарство, то, обладая надлежащими знаниями, несомненно, я смогу разделить одну клетку? "

Натан неловко заерзал. - Ты собираешься это сделать? Люк поднял глаза, потрясенный тем, что Нат даже посчитал, что он готов попробовать такую вещь.

«Я? Нет, конечно, нет. Я просто...»

Он замолчал, оставив Натана тревожно смотреть на него, ища причину. эта внезапная интенсивная озабоченность. Люк долго молчал, снова погрузившись в раздумья, сознание явно бешено забилось.

Когда он наконец поднял глаза, он задал еще один вопрос: «Если бы, теоретически, чувствительный к Силе был способен сделать это - манипулировать Силой и вызвать жизнь в другом человеческом существе ... была бы жизнь, которая была создана, имела какую либо реальную связь с его создатель? Будет ли он иметь характеристики своего создателя, как если бы они были физическим донором, хорошим или плохим? Или это будет исключительно творение Силы, и если да, будет ли он нести отпечаток пальца, ориентацию того, что было был использован для его создания?

«Это большие вопросы», - серьезно сказал Натан, но пристальный взгляд Люка заставил его задуматься.

«Теоретически - с медицинской точки зрения - он будет нести только генетический состав человеческого родителя. Может присутствовать только их ДНК, поэтому только их ДНК будет доступна для использования. Таким образом, вы фактически говорите о типе клона». «Но станет ли сама Сила - мидихлорианы, которые вызвали расщепление клеток, - вторым донором? Если бы это было так, у этого ребенка было бы беспрецедентное количество мидихлорианов... связь на более базовом уровне, чем когда-либо ранее. Но если бы это было так тогда будет ли аспект Силы, использованный для его создания, быть аспектом Силы, к которому он будет неизбежно настроен? "

Натан постепенно осознал, что это был более личный разговор, чем казалось.

"Вы ... говорите о себе?"

Люк слегка покачал головой: «Нет ... нет, я говорю о моем отце - и Палпатине ...»

Натан погрузился в шокированную, задумчивую тишину, когда медленно начали осознаваться далеко идущие последствия. Затем Люку пришлось задать следующий логичный вопрос, который он явно не хотел верить в возможность, но чувствовал, что должен обдумать;

«Могли ли генетические следы подстрекателя быть переданы через Силу? Будут ли они, по

сути, биологическим донором?

«Я так не думаю - индивидуальный генетический состав невероятно сложен».

«Такова Сила. Она обладает способностью влиять на разум, влиять на индивидуальное восприятие и воспоминания, общаться без слов даже на больших расстояниях. Человеческая ДНК - это, по сути, конструкция - у нее есть математические воспроизводимые границы. Может этот образец ДНК воспроизводится Силой - и если да, будет ли это биологической связью? " Натан долго молчал.

«Это... это выходит за рамки моего опыта или области знаний. Все, что я сказал, в лучшем случае было бы предположением. В любом случае без доказательств это не более чем предположения и предположения». Люк задумчиво кивнул и на несколько секунд замолчал. Когда он снова поднял глаза, его голос был очень уверенным, как будто он выражал свое согласие с Натаном.

«Мне нужен образец крови Палпатина».

Эти слова почти лишили Натха дара речи.

"Что-нибудь еще?"

Наконец он сумел, шокированным голосом.

«Да, Вейдера».

«Конечно! Пока я занимаюсь этим, почему бы мне не принести тебе образец... ..»

Натан изо всех сил пытался закончить предложение;

«Я бы сказал что-нибудь еще более возмутительное, но я думаю, что вы действительно зашкалили».

«Я понимаю, что это будет сложно»,

"Трудно?!"

«Но это важно, Нат».

- сказал Люк стальным голосом.

«Для меня - всего, что я пытаюсь сделать».

«Так ли это? Что бы действительно изменилось, если бы это было правдой, помимо вашего самовосприятия?»

Люк покачал головой: «Я не буду следующим Палпатином».

Натан с беспокойством посмотрел вниз: «Ты не Палпатин».

«Я становлюсь все больше похожим на него с каждым днем. Я вижу это, Нат, поэтому не верю, что ты не сможешь».

«Вы учитесь иметь дело с ним - действовать в этом мире, использовать его в своих интересах,

вот и все».

«Логический вывод из этого утверждения состоит в том, что для того, чтобы свести на нет Палпатин, я должен был бы им стать».

Люк спокойно спорил.

«Однажды он… он однажды сказал мне - когда я спросил его, почему он не убил меня, когда впервые увидел меня, - он сказал: « Тьма признает свое » ».

Натан сделал паузу, осторожно подбирая слова: «Ты знаешь, что Палпатин делает это - он будет использовать любые средства, чтобы…» «Нет, это оправдание; подтверждение. Я не могу позволить себе оставаться в неведении. Когда…»

Люк взглянул вниз, нахмурившись.

«Когда я был в камере шесть дней назад, Палпатин сказал, что единственное, что мешает мне уйти, - это моя соб . . За восемь дней до своего первого рейса и оставив «Несравненных» и «Бесстрашных» в своем последнем кратковременном выходе из гиперпространства в мертвом пространстве на окраине Салласта, «Патриот» подходил к концу своего путешествия где-то в секторах Модделл или Аблайек. насколько Люк мог рассчитать, основываясь на времени и некотором расплывчатом, нечетком ощущении направления, хотя с таким же успехом это мог быть сектор Спар или Вивенда.

Путешествие прошло на удивление гладко с точки зрения нераскрытых секретов, даже слишком много, учитывая ситуацию. Дело не в том, что Люк искал неприятностей - на самом деле казалось, что чем больше секретов он хранил, тем меньше Люк был готов раскачивать лодку - но, по его опыту, жизнь редко складывалась так, как хотелось бы, а если и так , то вообще затишье перед бурей. Теперь Люк шел рядом со своим Учителем по огромному мосту, Палпатин еще раз обсуждал события, которыми отмечен запуск нового Разрушителя, Люк задумался, вспоминая, как легко было напасть на Повстанцев; чтобы подтвердить, что их удаление так или иначе отвечает их собственным интересам.

«Важно то, что это означает для них существенное изменение тактики». Палпатин слегка повернулся, пока они медленно продвигались от тыла к передней части моста по его внешнему проходу, голос был тихим, но все еще довольно слышным в приглушенном мосту, хотя для всех, кто слышал, это было не более чем обсуждение тактики между Император и его наследник. Более тонкая игра, которая была скрыта за словами, принадлежала только им, и Палпатин требовал реакции.

«Они становятся смелее, больше рискуют… как вы думаете, почему?» "Честно?"

Люк сказал: «Я думаю, что без Мотмы, которая сдерживала его, Мадин начинает ощущать свое присутствие среди тамошних лидеров».

Он ожидал, что имя одного из офицеров Палпатина, давно перешедшего на сторону Восстания, окажет большее влияние, но на самом деле Палпатин молчал в течение нескольких секунд, пока они шли, прежде чем небрежно спросить: «Это то, что думает ваш шпион?»

Люк не обернулся, но продолжил идти, ровно говоря: «Да. А твое?»

У него не было доказательств того, что его Учителю удалось разместить другого шпиона среди повстанцев, но для безопасности Аргота ему нужно было это выяснить, поэтому игра

продолжалась. Палпатин остановился, чтобы посмотреть на длинный, широкий обзорный экран, явно не желая, чтобы его рисовали. Но отсутствие ответа было само по себе ответом, Люк знал. Тем не менее, он осознавал тонкое любопытство своего Учителя, когда Палпатин пробовал другую нить, пытаясь прояснить свои невысказанные подозрения.

«Возможно, это Лея Органа. В конце концов, она новый лидер Восстания».

Люк не колебался и не делал никаких шагов, чтобы защитить ее. «Возможно. У нее больше военных перспектив, чем у Мотмы, и она, несомненно, почувствует необходимость утвердиться».

Краткие вспышки лица Леи прожгли его мысли - того момента, когда он мстительно повернулся к ее группе, страха в ее глазах, когда удушающий дым рассеялся, и она повернулась к нему в ужасе. Где тогда была линия? Если бы он вообще перешагнул через это в атаке, даже когда знал, что они уже преданы, или он просто пытался купить жизнь Леи жизнями окружающих ее людей, его взгляд на более широкую картину. Допустимые убытки. Не то по правильным причинам - или было наоборот? Его страх больше не заключался в том, сможет ли он играть в эту игру - он стал гораздо сильнее, знал ли он, когда остановиться. Император продолжал говорить, все еще пытаясь найти какую-то кажущуюся слабость, и Люк попытался сосредоточиться, чтобы скрыть грызущие сомнения от ищущего разума своего Учителя, пока Палпатин пытался расставить ловушки.

"По вашему мнению, она бы спровоцировала такие действия?"

Он пожал плечами, зная, что Палпатин пытался узнать его мнение о Лее, учитывая ее удобный побег, но не желал его сообщать.

«Я давно не разговаривал с ней в последний раз. Время меняет людей». «Тем не менее, ты ее хорошо знал».

Палпатин остановился перед передним обзорным экраном, глядя в водоворот скорости света, но ничего не видя. Люк сохранял выражение лица и свои мысли сдержанными, зная, что острые чувства Учителя были натренированы на него. Было ли это праздное обсуждение; насмешка, не более - напоминание о его былой наивности - или Палпатин знал, что что-то не так, но пока не мог его преследовать? Как бы то ни было, разговор определенно не был искренним запросом мнения; Палпатин делал, что хотел, независимо от окружающих.

«Основываясь на прошлом опыте, я бы сказал, что она не уклонилась бы от такого рода действий, если бы это было предложено».

Люк ответил спокойно, слегка покачав головой, заставляя свой разум сосредоточиться на отвлекающих образах, которые прожигали его мысли. «Все существа, которые дают ей советы в настоящее время, обладают военными взглядами и опытом - я бы сказал, что у нее неизбежно разовьется более милитаристская позиция».

"Как вы думаете, я должен удалить ее?"

«Я думаю, тебе следует полностью устранить Восстание, но это кажется трудным».

Люк аккуратно увернулся. Неужели он не видел пустыню за дюнами? Здесь происходило что-то большее, тщательно скрытое за собственными меньшими, более рутинными заботами Люка; он беспокоился о Маре и повстанцах, его мысли были отвлечены. Было ли это отвлекающей тактикой? Тщательно подыгрывая своему Учителю, Люк не смог задать более важный вопрос, а

именно… что? Люк нахмурился, его мысли разделились между словами своего Учителя и причиной, по которой он их произнес. Большой вопрос был ... Почему Палпатин вообще был здесь? "Может быть, мне следует назначить награду за ее голову?"

Император толкнул.

«Я был бы очень удивлен, если бы вы еще этого не сделали».

Палпатин тихонько рассмеялся, прежде чем попробовать новую приманку.

"Хех, может, я должен послать тебя за ней?"

Люк не вздрогнул;

«Возможно, вам следует передать мне единоличную ответственность за полное преследование Восстания».

Палпатин снова засмеялся, явно удивленный целеустремленностью Люка.

"Вы давно этого хотели".

Люк полуобернулся, полностью увлеченный беседой, хотя и промолчал, зная, когда нужно подтолкнуть, а когда дать Императору время почувствовать, что решение было принято по его собственной воле. Конечно, он хотел, чтобы ответственность за повстанцев передали ему. Не по причинам, по которым он позволил своему Учителю поверить, хотя Люку пришлось признать, что учение Палпатина, вероятно, повлияло на его взгляд на то, как с этим справиться.

Как любил говорить его Учитель, знание - это сила, и если он намеревался отойти от статус-кво, существовавшего между Империей и Восстанием в течение последних двух десятилетий, то Люку необходимо, независимо от того, насколько тайно, передавать информацию обоим. пути через контакты в Восстании. Это был единственный способ сдержать их - направить их. Он всегда стремился взять на себя руководство борьбой с Восстанием от своего отца, зная, что глубоко укоренившееся мнение Вейдера о тех, кого он преследовал, будет означать, что он никогда не позволит Люку установить контакт, даже в его собственных целях; что, опасаясь раскола в лояльности Люка, Вейдер сделает все, что в его силах, чтобы остановить его.

Хотя ответственность за Восстание лежала на Вейдере, Люк знал, что он всегда будет полагаться на добрую волю своего отца, которая в лучшем случае была незначительной. Несмотря на их недавнее сотрудничество, эти факты остались неизменными. Люк до сих пор не раскрыл своих конечных целей отцу и не собирался этого делать, потому что, пока их отношения уладились, Люк должен был признать, что ни на мгновение не доверял своему отцу. Нельзя полагаться на то, что он не ставит свои собственные цели выше целей Люка, как он всегда делал. И пока этот факт остался, Люку все еще нужно было получить контроль над оперативной группой по борьбе с повстанцами. Это был единственный способ гарантировать доступ к Восстанию.

«Я… рассмотрю вашу просьбу».

Палпатин вошел в продолжительную тишину, его глаза снова обратились к сияющему пестрому великолепию гиперпространства.

«Скоро у вас появятся новые обязанности - новые обязанности - и я не хотел бы, чтобы ваше

внимание было слишком разделенным. Но, возможно, в долгосрочной перспективе эти обязательства можно будет объединить... да, я рассмотрю».

"Спасибо, хозяин." - пробормотал Люк, опустив голову, чтобы скрыть свое удовлетворение. Менее чем через день он стоял на том же месте рядом со своим Учителем, и игра, в которую Палпатин играл, придя сюда, приняла новый разрушительный поворот. . . .

«Вы не одобряете».

Палпатин произнес нараспев со своего места перед обзорным окном, не отрывая взгляда от наполовину построенной боевой станции, которая висела как серебристая жемчужина в бархатной тьме, но с каждой секундой увеличивалась - и все более безошибочно. Он оставался неподвижным, его чувства были нацелены на Скайуокера, ища какой-либо контрольный знак, пока мальчик стоял рядом. Но ничего не было; теперь он был слишком опытен, чтобы позволить хоть какую-то брешь в своей броне, даже при этом.

«Я не вижу в этом смысла». - мягко сказал Скайуокер, сцепив руки за спиной, и встал, чтобы отвлечься от настороженного внимания, его тон был небрежно пренебрежительным, хотя Палпатин знал, что его мысли, должно быть, пошатнулись. Они вышли из гиперпространства после девятидневного прыжка, все еще маневрируя ближе к массивной, частично укомплектованной боевой станции над зеленой планетой, имя которой Палпатин никогда не удосужился вспомнить.

Он медленно подошел к передней части моста, чтобы встать рядом со своим джедаем, когда штурвал объявил об их скором возвращении, желая быть рядом, когда Патриот выйдет из гиперпространства, остальные присутствующие офицеры инстинктивно отступили, оставив их одних. Теперь Палпатин повернулся к своему джедаю, наблюдая, как его челюсти сжались, когда их цель стала очевидной. Хотя он все еще был скелетным, он был уверен, что его знакомая форма, массивное блюдо почти готово, должно быть, выжигают воспоминания о своем предшественнике, который сам Скайуокер уничтожил над Явином IV - действие, которое впервые привлекло к нему внимание Императора.

«Всегда есть необходимость поддерживать стабильность». - сказал наконец Палпатин, требуя реакции.

«Возможно», - допустил его дикий джедай, - «но я не верю, что он сделает это».

«Это проявление моей силы. Сила - это стабильность; одна воля выше всех остальных».

«Слишком сильное притеснение поощряет инакомыслие».

Мальчик старался не допускать никаких эмоций в своем голосе или чувствах, понимая, что его Учитель ждал реакции, и не хотел ее давать. «С инакомыслием можно бороться».

«Если вы знаете, что он существует».

Люк сказал: «И куда. Это средство устрашения, только если вы знаете, куда его направить. Вы предполагаете, что у вас есть единственный враг; они разбегаются по этой самой причине».

«Вы найдете цель». - уверенно сказал Палпатин.

Мальчик взглянул, понимая, что Палпатин посмотрел на своего джедая острыми желтыми глазами.

"На вас возложена ответственность завершить этот проект и вывести его в сеть, мой друг - теперь ему нужна сильная рука, чтобы направить его. Ваше прибытие на Корусант означало, что я стал упускать из виду, продвигая его вперед; у меня были другие, более важные проблемы Но хотя Восстание ушло из Центральных Систем, оно по-прежнему присутствует в мирах Обода. Оглядываясь назад, я считаю, что, возможно, вы были правы, когда заявляли, что можете сделать то, что не мог сделать ваш отец ».

«Кольцо - трудный район для полиции…»

Это было почти защитой, и Палпатин сразу же обратил взор на мальчика, но он все еще смотрел на незаконченную «Звезду Смерти», его следующие слова умерили подозрения Палпатина, его мысли ясно о назначенном задача.

«Даже это может быть только в одном месте одновременно».

«Это все, что ему нужно, если его правильно использовать». - сказал Палпатин.

«Но любое средство устрашения так же эффективно, как рука, которой оно руководит; если бы я дал это вашему отцу, он бы использовал его без сожаления, и это, как вы сказали, только поощрило бы инакомыслие». «Если нечего терять, то почему бы не сыграть - почему бы не драться?» Мальчик сказал, осознавая парадокс: «Это глобально, безлично; оно не может разделить между невинными и повстанцами. Возмездие неизбирательное, неизбирательное».

Мальчик слегка повернулся к своему Учителю, зная, что Палпатин хотел услышать, что он видит в этом как недостатки, так и преимущества.

«Но вы думаете, что в этом и его сила, потому что это сделает повстанцев непопулярными - нежелательными везде, где они пытаются спрятаться. Репрессии будут абсолютными; безусловными и глобальными. Целый мир потенциально может заплатить за ошибки одного существа. Повстанцы укрываются дальнюю сторону планеты нельзя было больше игнорировать, когда, поступая так, они подвергали риску свою семью. Не может быть степени допущения или молчаливого игнорирования, когда результат будет ощущаться так близко к дому. мир был бы кровно заинтересован в устранении таких опасностей со своей собственной планеты - сообщая о них. Его существования достаточно ».

Палпатин улыбнулся; мальчик хорошо усвоил уроки. Он предположил, что он мог бы вложить те же усилия в обучение своего отца - во многих отношениях это было бы гораздо менее проблематично - но Вейдер отказался от любых прав, когда ему не удалось победить Кеноби. Он потерял силу, которую Палпатин так много вложил в него, и в тот момент он стал тем, чем был каждый ученик ситхов в глазах Палпатина; товар. Инструмент, который нужно использовать и выбросить. Жалость; его было бы легче контролировать, чем его сына - но в этом было заключено удовольствие… и удовлетворение от того, что он привел мальчика к этому моменту.

«Вы понимаете - оцените хрупкий характер такого оружия».

Он снисходительно повернулся к джедаю: «Ты всегда был моим прекрасным клинком». .

Взгляд Люка был полностью прикован к призраку перед ним, столкнувшемуся в настоящем и прошлом, заставляя его напряженно, ни к чему не обязывающему; он понял - он просто не обязательно соглашался. Хотя он не был достаточно наивен, чтобы сказать это вслух - или позволить даже его следу проскользнуть сквозь вездесущие щиты. Итак, Палпатин продолжил, полагая, что они были единодушны в этом: «Когда он начнет действовать, он будет передан

вашему флоту вместе с задачей повернуть его против Восстания. Вы неоднократно просили меня об этом задании, и я всегда отказался, полагая, что вы не готовы. Ваши действия на борту «Патриота» были образцовыми. Теперь я уверен, что вы равны с ответственностью; что вы выполните все обязательства, которые требует эта роль ».

«Мне это не нужно . Дайте мне доступ к Системам Обода, и я все равно их разберу. На это уйдет как минимум год - дайте мне этот год и контроль над оперативной группой Вейдера по борьбе с повстанцами ...

" Палпатин покачал головой, когда Скайуокер непреклонно заговорил… и, наконец, он вручил награду, точно зная, как привлечь своего Волка предложением того, чего он желал превыше всего;

«Нет. Но когда ты закончишь это оружие… Я дам тебе свободу использовать его там, где ты сочтёшь нужным, мой друг».

На мгновение Люк только смотрел, потеряв дар речи ... но уже, зная своего старого Учителя, он изучал детали предложения, обдумывая последствия ... Палпатин дал ему то, что он хотел - по цене. Всегда цена. Люк оглянулся на полузавершенное чудовище, которое висело перед ним, эхо прошлой жизни коснулось его души и оставило глубокие опасения. Он помог уничтожить его предшественника - действительно ли он хотел помочь создать потомство? Готов ли он сдаться так ... Он прервал эту мысль, взглянув на маленькую луну за станцией скелетов, затем на звезды за ее пределами, ища точку отсчета ...

"Где это?"

Сразу же Люк смягчил вопрос с другим смыслом: «Можем ли мы гарантировать, что это безопасно?»

"Да."

Серьезный голос Палпатина был наполнен его типичной уверенностью: «Так и оставалось в течение некоторого времени; мы достаточно далеко от проторенных дорог, чтобы обеспечить конфиденциальность». «Планета не занята? Она выглядит обитаемой».

Император посмотрел вниз пренебрежительным тоном, пытаясь хотя бы вспомнить название планеты: «Эндор затерялся во Внешнем Кольце, недалеко от края Неизвестных Регионов. У него нет технологий и нет минеральных богатств, поэтому нет связи с цивилизованным миром. галактика, но в ней есть кое-что, что мне нужно: сила ".

Люк почти ничего не слышал, его разум привлекло не предложение Палпатина о возможном свободном правлении за пределами Ядро Систем, если он закончит новую игрушку Императора ... а осознание того, что принятие этой задачи может потребовать гораздо более раннего ослабления ограничений. Он взглянул на своего Учителя, на его лице появилось холодное, любопытное выражение, когда его мысли метались; Эндор… Во Внешнем Кольце .

Император продолжил, не подозревая о разделенном внимании Люка: «Я бы не оставил свой безвозвратный отпуск настолько жизненно важным - проект незащищенным - из лунного святилища спроектирована серия щитов…»

Люк отдаленно кивнул, возможности вспыхнули; Эндор. Если он возьмется за это задание, то ему потребуется регулярно путешествовать во Внешнее Кольцо - тайными средствами, поскольку его существование было четко засекречено. Падение со всех официальных и

неофициальных радаров также может позволить ему избежать пристального внимания Императора. Что не менее важно, это гарантировало бы то, в чем Палпатин всегда так бдительно отрицал Люка; регулярный персональный доступ как к Ядру, так и к Флоту Окраины.

Его разум начал гоняться за возможностями; он мог постепенно сменить доверенных союзников с обоих флотов под предлогом укомплектовать строй; установить линию командования, которая даст ему абсолютный контроль здесь. Количество поступающих материалов и технологий будет огромным - часть их будет легко приспособить и перенаправить; расширять и укреплять 701-й полк намного быстрее, чем он ожидал. Удвойте их размер и разделите их между Бесподобным и Патриотом, а затем снова между Патриотом и этой станцией.

Он уже оставил контингент, тайно рассредоточенный на борту «Несравненного» вместе с надежным капитаном; если и когда он решит переехать, вместе они гарантируют лояльность Несравненного. Что дало ему Несравненного, Патриота, Палача… и вот это. Плюс надежные капитаны звездных разрушителей и командный состав многих других, в сочетании с секретными оперативниками 701-го, которые могли гарантировать, что эти доверенные офицеры сохранят командование в отведенное время ... Его Учитель продолжал бормотать, и Люк время от времени кивал, все еще сомневаясь в потенциале…

Один раз - только еще раз - он снова увидел Звезду Смерти, вспомнил свои прошлые убеждения… но они исчезли в одно мгновение, подавленные осознанием представившейся здесь возможности. В конце концов, он не собирался помогать Палпатину; Это была возможность сделать все, чего желали те далекие воспоминания - свергнуть Императора. В своем горьком, слепом желании все большей власти Палпатин был архитектором всего, что Люк утратил; было вполне уместно, чтобы окончательное утверждение этой силы стало решающим в его падении. Он не мог отказаться от этого - все, что он видел сейчас, было потенциальным. Его Учитель был прав; Сила была стабильностью - одна воля превыше всех остальных… только не Палпатина.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1287578